

Лань Сичэнь был так ошеломлён, что даже растерялся. Эта поза вызывала у него множество фантазий. Будучи здоровым мужчиной, который почти сорок лет жил в воздержании, он... с трудом сдерживал себя.

— А Яо, я... больше не хочу сдерживаться. Что мне делать?

[Система]: Патриарх Илин, 2019 год, увидимся снова...

Лань Сичэнь: Могу только смотреть, но не могу прикоснуться.

Чичи: ...

Солнце уже достигло зенита, и его тёплые лучи делали сон Цзинь Гуанъяо ещё более комфортным. Он потерся о грудь Лань Сичэня, и его волосы растрепались, а грудь обнажилась. Лань Сичэнь, лежащий под ним, не двигался, боясь разбудить того, кто лежал сверху. Его руки уже онемели, а в животе бушевал огонь. Его брат, молчавший сорок лет, начал проявлять признаки активности. Пот стекал по его лицу, глаза покраснели, дыхание стало тяжёлым. Очевидно, он изо всех сил сдерживал свои желания.

Человек, которого он мог бы коснуться, был прямо перед ним, но он вынужден был оставаться аскетом. Самое обидное было то, что тот совершенно не понимал, что разжигает огонь, и продолжал тереться, а его беспокойные руки блуждали повсюду.

Полуденное солнце было настолько тёплым, что Лань Сичэнь начал терять самообладание. На его спине, которую никто не видел, уже выступил пот.

Спустя некоторое время Цзинь Гуанъяо медленно проснулся, почувствовав, что его положение несколько необычно. Под ним было мягко, тепло, и он ощущал лёгкую дрожь...

Лань Сичэнь заметил, что он проснулся, и тихо спросил:

— Проснулся?

Цзинь Гуанъяо сонно ответил:

— Угу.

— Отдохнул?

Услышав это, Цзинь Гуанъяо медленно поднял голову и встретился взглядом с глазами, полными желания. Его сердце замерло. Лань Сичэнь тут же отвернулся, избегая его взгляда. Всё произошло в мгновение ока. Цзинь Гуанъяо взглянул на их позу и почувствовал неловкость, но затем подумал: «Я сверху?»

В его сердце загорелась маленькая искра радости. В этот момент Лань Сичэнь внезапно сказал:

— Если отдохнул, вставай.

Цзинь Гуанъяо замер. Лань Сичэнь говорил, не глядя на него, и его голос звучал холодно.

Услышав это, Цзинь Гуанъяо поспешно встал. Лань Сичэнь, лежащий под ним, начал разминать свои затекшие конечности. Цзинь Гуанъяо хотел помочь ему, помассировать руки, которые он занемел, но только сделал шаг вперёд, как Лань Сичэнь тут же отстранился, словно боясь его прикосновения. Рука, протянутая в воздухе, замерла на мгновение, а затем медленно опустилась.

— Почему ты не разбудил меня?

— Ничего страшного.

— Но ты...

Цзинь Гуанъяо не успел закончить, как Лань Сичэнь перебил его:

— Правила клана Лань ещё не переписаны, так что поторопимся. Уроки не должны затягиваться.

— Понял.

— Уже поздно, я пойду.

Сказав это, Лань Сичэнь ушёл, быстро и без колебаний, словно убегая от чего-то. В сердце Цзинь Гуанъяо поднялась волна грусти. После того как Лань Сичэнь ушёл, он не появлялся целый день. Цзинь Гуанъяо переписывал правила три дня, и в течение этих трёх дней Лань Сичэнь больше не появлялся.

Сначала Цзинь Гуанъяо чувствовал себя немного некомфортно, но вскоре это чувство растворилось в бескрайнем море правил клана Лань. В тот момент он только хотел взвыть к небу: «Почему их так много, Лань Цижэнь? Сколько правил ты съел в прошлой жизни? Более четырёх тысяч, и ни одного повторяющегося...»

Последнее правило: «В Облачных Глубинах запрещено подражать Вэй Усяню».

— Что это за чушь?!

Цзинь Гуанъяо смотрел на небо в недоумении. После того как Лань Сичэнь ушёл, он переписывал правила с большей лёгкостью. Левой рукой он опирался на пол, а правой писал. Когда уставал, менял руки. Так он переписывал туда-сюда, и это было намного проще, чем когда Лань Сичэнь был рядом. Чтобы ускорить процесс, Цзинь Гуанъяо нашёл деревянный брусок, привязал его к балке на такой высоте, чтобы его ноги могли зацепиться за него, когда

он стоял вверх ногами. Таким образом, он освобождал обе руки и мог писать одновременно двумя руками, словно включив невидимую помощь. Его скорость и поза вызывали изумление.

Лань Сичэнь, покинув Золотой Павильон, сразу же направился к Холодному источнику, где провёл весь день, пока солнце не скрылось за горами. Чтобы успокоить свои чувства, он намеренно избегал Цзинь Гуанъяо в течение трёх дней.

Закончив наказание, Цзинь Гуанъяо с почтением передал толстую стопку бумаг Лань Цижэню.

— Учитель, пожалуйста, проверьте.

Лань Цижэнь был удивлён, что тот закончил так быстро. Взяв бумаги, он проверил их. Все листы были на месте, ни одного пропуска, и почерк был одинаковым. Подумав, он не смог найти объяснения, но принял это.

— Хорошо, ты справился отлично. Помни, больше не нарушай правила.

— Да, учитель.

Цзинь Гуанъяо соглашался вслух, но в душе думал: «Я бы и рад, но судьба не позволяет». И он продолжал искать способы нарушать правила.

— Садись.

— Да.

На этом уроке Цзинь Гуанъяо не нарушал порядок, так как не нашёл подходящего момента. Так прошло несколько спокойных дней. Однако с тех пор, как Лань Цижэнь бросил книгу в Цзинь Гуанъяо, но попал в Не Цинъюаня, тот время от времени донимал его. Но Цзинь Гуанъяо делал вид, что не замечает этого, не вступая в конфликты. В нескольких случаях это было настолько неприятно, что даже Цзинь Лин, находившийся рядом, не мог сдержать себя и хотел заступиться за него, но Цзинь Гуанъяо остановил его.

— Се Вэньяо, как ты можешь терпеть такое унижение?!

— Почему бы и нет? Он говорит правду. Я — незаконнорожденный, не знающий, кто мой отец. Я — никчёмный, неспособный к совершенствованию. Я — тот, кто сидит в клане Се без дела. Он говорит правильно.

Цзинь Гуанъяо говорил спокойно, без тени гнева, словно рассказывал о чём-то, что его не касается. Цзинь Лин почувствовал странную горечь, думая о себе. Он чувствовал, что у него всё лучше, ведь у него есть дядя, который о нём заботится, есть Вэй Усянь, который беспокоится о нём, и есть Лань Сычжуй, который всегда рядом.

Его взгляд был слишком очевиден, и Цзинь Гуанъяо с улыбкой сказал:

— Что ты так на меня смотришь? Жалеешь меня?

Цзинь Лин не ответил, но его выражение лица выдавало его.

— Не надо. У каждого своя судьба. Прошое уже определено, но конец зависит от нас самих. Я никогда не верил в предопределённость. Я верю, что человек может преодолеть судьбу. А Лин, прошое уже прошло, не зацкливайся на нём. Твой путь ещё долог, не замыкайся в одном месте. Этот огромный мир, тысячи гор и рек — разве ты не хочешь их увидеть?

Цзинь Лин задумался. «Увидеть тысячи гор и рек...»

Он горько усмехнулся:

— Но я — глава клана Цзинь.

Цзинь Гуанъяо на мгновение замер. Ведь именно он возложил на него эту ношу.

— Прости.

Цзинь Лин обернулся:

— За что ты извиняешься? Это странно. Но ты правда не собираешься мстить?

Цзинь Гуанъяо улыбнулся:

— Не то чтобы не собираюсь, просто время ещё не пришло. — Смотря на удаляющуюся фигуру, его улыбка стала ещё шире, и в ней появился оттенок коварства.

Цзинь Лин почувствовал лёгкий озноб:

— Ладно, будь осторожен. Скоро комендантский час, я пойду.

— Хорошо.

Луна была яркой и круглой, а небо усыпано звёздами.

Цзинь Гуанъяо хлопнул себя по груди:

— Такой прекрасный вид идеально подходит для бутылки Вина Императора.

С этими словами он, пользуясь темнотой, направился за пределы Облачных Глубин.

Патрульный, заметив тень, мелькнувшую вдалеке, почувствовал странность и хотел проверить, но в этот момент появился Лань Сичэнь. Патрульный почтительно поклонился:

— Господин Цзэу.

— Хорошо, скоро комендантский час, иди отдыхать.

— Господин Цзэу, я, кажется, видел, как кто-то выбежал.

Лань Сичэнь посмотрел в указанном направлении:

— Никого там нет. Наверное, тебе показалось.

Патрульный сомневался:

— Но я точно видел...

— Слишком темно, наверное, ошибка. Ладно, уже поздно, иди отдыхать. Я здесь, всё в порядке.

Подумав, что даже господин Цзэу ничего не заметил, патрульный кивнул и ушёл.

<http://bllate.org/book/15301/1350165>